

ДРУЖБА НАРОДОВ 10/2014

- *Григорий Марк*
Ведущий Альбинос
Повесть
- *Сергей Васильев*
Не суд людской
Стихи
- *Илья Одегов*
Пришельцы
Цикл рассказов
- *Джузеппе Джоакино Белли*
Картинки с природы
Римские сонеты
- *Елена Чхаидзе*
Вступительный сюжет:
«Русский имперский человек»
в «провинции»

10'2014

Игорь Огнев

Русская пустошь

Сегодня

Сегодня в нестоличной России господствуют две тенденции. С одной стороны, как и в европейской части страны, вокруг областных, а то и районных центров лихорадочно растут коттеджи. С другой стороны, на картах футурологов восточнее Урала появились территории, которые названы «Русской пустошью». Пустошь! То есть бежит народ из этих мест, куда глаза глядят, коли есть на что бежать. А коли не на что — мрут на месте.

Как ни странно, власть страны весьма приблизительно знает, сколько селян в России. Официальные данные об их доле в численности всего населения колеблются от 27 до 40 процентов! Короче, среди агрохолдингов и корпораций, как поется в одной песне, «затерялося наше село». Это трагическое неведение случилось потому, что все нулевые годы государство занималось АПК, но не людьми, живущими в сельской местности.

Чтобы русская пустошь, как огромный лишай, не распространялась по стране, чтобы селяне в панике не бежали в города, а горожане стремились не только шашлыки жарить на природе, но и землю возделывать, спасаясь от городского помешательства, государство должно оснастить сельскую местность инфраструктурой. Пока же наши бескрайние просторы погрязают в бездорожье, буреломах и бурьяне. За последние тридцать лет в Свердловской области бесследно исчезли без малого 800 деревень. И продолжают исчезать, поскольку прежняя федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года» предусматривала финансовую поддержку сельской инфраструктуры лишь на 7-8 процентов, а потом о судьбе сельского населения Москва благополучно забыла. Не шибко щедры в этом смысле также власти и других краев-областей. Например, в Тюменской области после так называемой оптимизации осталось 650 деревень, где начисто отсутствуют какие-либо объекты социальной сферы. Попросту говоря, власть сбросила со своих плеч эту обузу. А в деревеньках этих — 52 тысячи жителей, население, равное по численности населению Южной Осетии, разоренной недавней войной. В Тюменской области не стреляли пушки, но, если здесь не гуманитарная катастрофа, тогда что, коли в этих деревнях регулярно отключают электричество, ликвидировано проводное радио, нет связи, невозможно подписаться на периодику? Единственный свет в окошке —

Огнев Игорь Анатольевич — публицист, специализирующийся на социально-экономической аналитике. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

передвижные клубы. Но и тут прореха: передвижек вдвое меньше нормы, и, хотя каждая вместо положенных 5-6 деревень обслуживает вдвое больше, все равно 236 деревень остаются вовсе обездоленными. Во-вторых, кроме штатных обязанностей, работники передвижек по доброте душевной тащат и функции испарившихся социальных служб: везут жителям предметы первой необходимости, проводят благотворительные акции, собирают сходы граждан, уговаривают приехать разных специалистов, если нужда в них позарез, и даже устраивают в интернаты одиноких стариков и осиротевших детей.

То, что власти богатейшей области таким способом «оптимизировали» существование десятков тысяч подмандатного населения, — не в диковинку. К подобной «заботе» государства россияне привычные, но такая привычка может обернуться перманентной трагедией. Сегодня в стране 155 тысяч сел, значительная часть которых за 15—20 лет может исчезнуть или деградировать вместе с жителями, а их, по оценке Е.Г. Ясина, научного руководителя ГУ—ВШЭ, около 30-40 млн. Многих бросили в тьмутаракани дети, уехав на заработки в города, и это красноречивые факты, которые говорят о состоянии института семьи в современной России.

Что представляет собой наше село, хорошо видно даже из окна вагона: убогие домишки, среди которых возвышаются два-три кирпичных особняка, да и то не в каждой деревне. Скверную погоду в новой России определяют три хаотических процесса: формы хозяйствования, социальная политика и муниципальная власть. До конца государство не определилось нигде.

Какую отрасль ни возьми, везде резко снижалась занятость. Например, в 1990 году было 57 миллионов голов крупного рогатого скота, и требовалось множество людей для выращивания кормов на огромных площадях. А в 2010 году осталось всего 20,4 миллиона КРС, меньше, чем в 1861-м, сразу после отмены крепостного права! Понятно, что для их обслуживания нужно гораздо меньше рук. По данным Росстата, в 2012 году в сельхозорганизациях производительность труда выросла в 4 раза, а занятость упала в 6 раз. В итоге, если в 1990 году в колхозах и совхозах работало около 10 миллионов, то сейчас в хозяйствах разных форм осталось менее 3,5 миллиона человек.

В советские времена многие были заняты на предприятиях, обслуживающих непосредственное производство сельхозсырья или косвенно с ним связанных. В новые времена большинство их исчезло, как и подсобные промыслы. А ведь в других странах вторые-третьи члены семей на этих промыслах с помощью современного оборудования изготавливают тысячи мелочей, без которых не обходится ни один дом. Но Россия подобную продукцию предпочитает импортировать. Как следствие, по данным Россельхозакадемии, от 15 до 20 миллионов селян не имеют иных занятий, кроме собственного огорода.

В последние годы взят курс на крупные агрохолдинги. Эксперты говорят, что он сложился неожиданно для государства: корпорации почувствовали вкус к угольям, но суть сельского бытия им не интересна. Однако наши латифундии — не чета зарубежным. Например, американский агрохолдинг Tyson Foods производит четверть всего мяса птицы в мире. Но все сырье получает от фермеров, которым предоставляет технологии, оборудование, цыплят и корма, гарантируя покупку продукции и своевременную оплату. А у себя холдинг содержит только инкубаторные станции и научные подразделения, где выводят новые породы и ведут генетические исследования. Кроме того, крупные агрохолдинги (в разных

странах по-разному) за фермера планируют, кредитуют его и страхуют, а также консультируют, как организовать бизнес, какие культуры и технологии использовать.

Короче, если в мире агрохолдинги превратились в точки роста и благополучия территорий, то у нас эти латифундии, за редким исключением, отгородились от сельского мира высоченными заборами.

Эксперты отмечают еще одну тенденцию: производство сельхозпродукции концентрируется все в меньшем числе регионов, что вполне разумно. Помнит ли при этом государство о благополучии жителей регионов, где число хозяйств в результате специализации сократилось? В декабре 2011 года глава Центробанка Набиуллина, а тогда — министр экономического развития, сказала в одном из выступлений, что «сохранение любой ценой экономически неэффективных малых городов и препятствование перетоку трудоспособного населения в крупные города может стоить нам двух-трех процентов экономического роста...» Радикальные либералы пошли дальше: подавляющая часть российского населения должна, дескать, сконцентрироваться примерно в 40 крупных городах, а все остальное пространство нужно оставить — там пьянство и бедность, которые невозможно преодолеть. Надо ли это комментировать? Александр Петриков, академик РАСХН и статс-секретарь — замминистра сельского хозяйства России пишет, что крестьянство — непонятный иероглиф для либеральных умов. Наше государство никак не может найти золотую середину между эффективностью производства и развитием сельских территорий.

Минсельхоз, вроде бы вспомнив не только о литрах молока и привесах бычков, подготовил пакет законопроектов для господдержки не только отрасли, но и фермеров. Однако выбор крестьянского фермерского хозяйства в качестве стратегии вовсе не диктует стандартный подход ко всем территориям, даже малым — следует заниматься каждой семьей! Везде — свои особенности, а значит, нужны разнообразные формы хозяйствования и жизни. Но подобную стратегию может, как в Китае, реализовать только местное самоуправление, близкое семье. В Поднебесной именно оно занимается сельской индустриализацией в формах, получивших название районно-поселковых предприятий. В России же муниципальная реформа идет второе десятилетие, а местного самоуправления как не было, так и не предвидится. Понимая, что на эти цели налоговых поступлений не хватает, власти уже несколько лет объединяют поселения, ликвидируют малокомплектные школы и фельдшерские пункты. В результате, по данным журнала «Эксперт», если раньше между деревней и центром сельского поселения, где есть школа, магазин, медики было 5-7 километров, которые еще можно одолеть пешком, то теперь уже 20-25 километров. Как-то президент Путин обратил внимание «на особо чувствительный вопрос — оптимизацию сети бюджетных медицинских учреждений. Мы знаем, чем оборачиваются поверхностные, формальные, чисто бюрократические подходы, например, какую реакцию людей вызвало закрытие больниц или роддомов на селе... Такая реструктуризация, конечно, недопустима», — подчеркнул глава государства. Правда, слишком поздно. Да, стартовала новая федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года». Там сказано и про «комплексный» подход, и про «устойчивость». Однако никаких гарантий достижения целей нет: до сих пор не выполнена аналогичная программа на 2002 — 2013 годы.

Словом, программы существуют сами по себе, а селяне живут своим чередом. А ведь всего сто лет назад и на протяжении как минимум двух веков до того в нестоличной России шла бурная культурная и экономическая жизнь...

Вчера

Около сорока лет назад, ранним ноябрьским утром, из Вязьмы в Хмелиту трясся в автобусе Петр Дмитриевич Барановский, выдающийся реставратор, который еще в 1912 году двадцатилетним выпускником московского строительного училища сделал проект реставрации собора Болдинского монастыря под Дорогобужем, за что получил золотую медаль Русского археологического общества. За 92 года жизни Петр Дмитриевич реставрировал и изучал памятники от Карпат до Байкала и от Соловков до Баку. Когда в 30-х годах советские вожди решили снести собор Василия Блаженного, чтобы не мешал движению танков по Красной площади, Барановский, единственный из всех деятелей культуры, написал Сталину. Собор не тронули, однако ученый на несколько лет загремел в Сибирь...

Теперь у него в смоленском областном управлении культуры спросили совета: что делать с бывшим имением Грибоедовых? И Петр Дмитриевич, в семьдесят с лишним лет легкий на подъем, с учеником Виктором Кулаковым отправился в Хмелиту на перекладных. По приезде, пока Барановский отходил от путешествия за чаем в совхозной столовой, Кулаков не утерпел и выскочил наружу. В ключьях тумана стоял двухэтажный дом без крыши и пустыми окнами смотрел на старинный парк. В стене Казанской церкви зиял провал, в который прошел бы трактор. Рядом стоял флигель для дворни, поодаль торчали фундаменты других построек... «Петр Дмитриевич, — закричал Кулаков, вбегая в столовую, — да тут целый город!»

Виктора Евгеньевича Кулакова, тогда еще автомеханика, с Барановским свел друг детства, энергетик, заразившийся от Петра Дмитриевича страстью к реставрации памятников архитектуры. Кулаков, который оставил свои автомобили, закончил Академию художеств и скоро стал опытным реставратором.

...Когда окончательно рассвело, путешественники обошли здание раз, другой. Барановский, чутьем выбрав место среди глухой стены дворца, сбил штукатурку. Обнажился кусок наличника — елизаветинская эпоха, XVIII век! На самом высоком месте Смоленской возвышенности — водоразделе Волги и Днепра — в 1683 году Сенька Федоров, сын Грибоедов, попросил разрешения построить церковь. А, вероятно, в 1753 году появился и «дом каменный о двух этажах, с четырьмя флигелями» в формах русского барокко. Зодчего установить не удалось, однако наверняка это творение либо самого Растрелли, либо его ученика. А регулярный парк, продолжавшийся пейзажным, был одним из ранних парков этого типа в России. У Грибоедовых было несколько поместий, но семья предпочитала Хмелиту.

Советская историография определила русскую усадьбу как «весьма ограниченное число памятников высокого национального искусства, созданного трудом крепостных». На самом же деле усадьбы и были центрами бурной экономической жизни нестоличной России. И не только экономической. Сегодняшние

исследователи рассматривают русскую усадьбу как целостный, самодостаточный мир, микрокосм.

Если взять от Хмелиты на северо-восток, попадаем в Высокое, усадьбу графа Шереметьева, выстроенную Николаем Бенуа. Севернее от Высокого — село Липецы, которое с конца XVIII века значится вотчиной «гвардии поручика Степана и сестры ево Елизаветы Хомяковой», отца и тетки знаменитого писателя-славянофила. Чуть западнее Хмелиты в скромном имении Холм обитала графиня Дарья Уварова, мать будущего министра просвещения России. В Холме же поселился другой сын графини Федор, который выписывал все столичные журналы и охотно делился ими с соседями — все новинки литературы и публицистики доходили до этих мест своевременно и позволяли глубокой провинции вести интенсивную интеллектуальную жизнь.

По оценкам Кулакова, в России было порядка 150 тысяч усадеб. Представьте себе густоту переплетения связей и частоту контактов между членами этих семейств, живущих в усадьбах, губернских центрах и столицах! А в наши дни? Недавнее исследование, о результатах которого рассказал на «Эхе Москвы» научный сотрудник Института философии РАН Н.И.Лапин, выявило, что в сегодняшней России — на самом низком, по сравнению с европейскими странами, уровне социальные контакты: частота встреч друзей, родственников, готовность людей прийти другу на помощь. Разрыв и дефицит социальных связей ведет к солипсизму — одиночеству в толпе, кризису доверия людей друг к другу и их излишней невротизации, чреватой техногенными катастрофами. И ведь правда — все время что-нибудь горит, взрывается и рушится.

Все русское дворянство считалось единой семьей. Эти люди и представляли становой хребет общества, его слой-стабилизатор, который нынче олицетворяют чиновники, как правило — безликие. Не потому ли каждый раз в канун очередных парламентских или президентских выборов электорат озабоченно чешет затылки: кого выдвигать, за кого голосовать? Вопрос не праздный: после 1917 года только в Париже оказалось около 250 тысяч представителей настоящей, неряженой элиты России.

Семейная жизнь

Подавляющее число персонажей сегодняшнего чиновного слоя-стабилизатора отгораживается от остальной части общества не только глухими заборами с охраной и собаками, но и самими местами проживания типа Рублевки, аналоги которой появились во всех областных центрах.

Обитатели же дворянских усадеб, особенно с последних десятилетий XIX века, созидали такое социокультурное пространство, где преграды общению бар и крестьян размывались. В Хмелите Казанская трехпрестольная усадебная церковь до конца XVIII века объединяла население огромной территории — ста тридцати двух, а в XIX веке — двадцати трех сел. В храмах вместе молились крестьяне и их владельцы.

Сегодня духовность свели к поиску таинственных «скреп», череде запретов да религиозности, и коли высокий чиновник стоит подсвечником у алтаря — стало быть, страна идет в правильном направлении. Гораздо шире понимали духовность в те времена. Именно в усадьбах шел синтез светской и духовной

культур. В Хмелите для господского дома трудилось около трехсот человек примерно сорока профессий: кузнецы, слесари, портные, каменщики, ружейники, живописцы (возможно, они расписывали по холсту стены хмелитского дома), архитекторы; были музыканты, певчие, берейторы, егеря, водошники (делали для домашнего расхода водку разных сортов), ткачи, умевшие работать немецкие скатерти; лаковщики, переплетчики. Мебель красного дерева по французским лекалам делалась на месте, как и золоченые кареты с фамильными гербами. От отцов-матерей ремесла перетекали к детям, создавая синтез дворянской и народной культуры. Как заметила исследователь русской усадьбы Присцилла Рузвельт из того самого президентского рода, в усадебной культуре были и красота, и варварство. Прихоти бар из сотен и тысяч тягловых крестьян творили ремесленников, художников, артистов. Хозяева усадеб жили открыто, на широкую ногу, любили увеселения, чуть не ежедневно принимали множество гостей. В Хмелите, как и во многих других усадьбах, был театр, благодаря чему А.С. Грибоедов сразу стал писать пьесы профессионально. Страсть к музыке у Глинки появилась, когда он слушал в смоленском имении Новоспасское крепостных музыкантов. Усадебная молодежь начала XIX века, осуждая недостатки старших и стиль барской жизни вообще, в 20-е годы сформировала новый тип дворянского содружества, в том числе политические кружки. Однако не будь этого «дикого барства», обеднели бы жизнь и ум А.С. Грибоедова и его сверстников. Новое поколение имеет право не принимать отжившие нравы, но естественное переплетение нового и старого давало удивительные результаты.

Среди крестьян мемуаристы описывают людей необыкновенных. Мальчиком Н.В. Волков, сын последних владельцев Хмелиты, общался с водовозом Прокопом, который родился в один год с Пушкиным, а умер в 1911 году, прожив 112 лет. Прокоп, любивший вспоминать, был живой историей Хмелиты. Повар Тихон, хоть и любил выпить, но был необыкновенно талантлив, и не только как кулинар — он знал французский и итальянский языки. Рядом с Хмелитой жил крестьянин Городецкий, который купил телескоп и устроил обсерваторию, по ночам наблюдая звездное небо, иногда вместе с бариним. Городецкий окончил три класса, но чтобы заниматься астрономией, сам освоил высшую математику, переписывался с Пулковской обсерваторией. В той же деревне жил крестьянин Прохоров, художник-самоучка. Барин покупал ему холсты, краски и кисти, устроил в Вязьме выставку его работ, и все они были проданы.

Брат Н.В. Волкова — В.В. Волков вспоминает, как крестьян возили в больницу на хозяйских колясках, как мать ходила в деревни делать своим крестьянам перевязки, как покупала им лекарства. В Вязьме она была попечителем гимназии, а с начала Первой мировой по линии Красного Креста занималась организацией госпиталей. Когда в Хмелите появилась молотилка, отец потребовал предупредить мужиков, чтобы они были осторожнее. Но одна деревенская девушка что-то потрогала, руку у нее затянуло и изуродовало. Тогда отец сам на себя подал в суд от имени этой девушки с тем, чтобы ей выплачивать компенсацию, и она до революции ежемесячно получала приличную сумму...

Конечно, и дворянская семья была не без уродов. Но это были единицы, на них показывали пальцем, с ними никто не общался. Делая вывод о сходстве русской усадьбы с американскими плантациями или владениями английских милордов, Присцилла Рузвельт отмечает, что уровень быта свободных крестьян

на Западе был не лучше, а иногда хуже, чем у русских крепостных. Исследователи утверждают, что о материальном положении русских крестьян, об их уровне жизни до сих пор очень мало известно. Русское крепостничество стали отождествлять с западным рабством во многом под влиянием таких впечатлительных дворян, как молодой Радищев. Недаром Пушкин написал пародию на «Путешествие из Петербурга в Москву». В частности поэт отмечал, что «в России нет человека, который не имел бы собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову в Европе есть знак роскоши, у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности».

Неоднозначны были и отношения помещиков с крестьянами. Когда дворец в Хмелите после революции опечатали, посыльный от крестьян, чудом разыскав Волковых в Москве, предложил им вернуться: мир готов был построить им дом — это при том, что хозяйка отличалась крутым нравом, люди за глаза звали ее Волчихой. Видно, одно другому не мешало... Первые народники к своему изумлению обнаружили, что крестьяне ничего дурного не видели в эксплуатации как таковой, самым неприятным проявлением власти помещиков крестьяне считали их вмешательство в семейную жизнь и привычный труд.

Привычный труд

До середины XVIII века хозяйство Хмелиты оставалось натуральным. Основными сельскохозяйственными орудиями были соха и деревянная борона, серп и коса, а зерновыми культурами — овес и рожь. Одну часть пашни засеивали яровыми, вторую — озимыми, а третью пускали под пар; на следующий год части меняли местами. Подобные методы ведения сельского хозяйства вплоть до XX века были характерны для России. Ученые-агрономы критиковали трехполье, поскольку треть пашни постоянно гуляла. Но мужики отчаянно сопротивлялись, короткий период полевых работ при российском климате плюс работа на помещика не оставляли ни сил, ни времени на эксперименты. Хотя комбайн изобрели в России еще во второй половине XIX века, он начал работать не на наших полях. Даже плуг вытеснял соху с великим трудом. Потому и производительность труда крестьянина до начала XX века была в 4—5 раз ниже, чем в Европе, да и сейчас разрыв остается примерно таким же, а в иных отраслях даже увеличился.

Тем временем население России росло. Если в конце XVI века оно составляло 11–12 миллионов человек, а в первой половине XVIII века 17–18 миллионов, то между 1750 и 1850 годами оно выросло до 68 миллионов, к концу XIX века — до 124, а к 1914 году подскочило до 170 миллионов. Его надо было кормить. Выход искали в распашке все новых земель — как, впрочем, и при Советской власти.

Усадьба весьма ощутимо влияла на организацию социально-экономического пространства. Она являлась начальным звеном в системе размещения производительных сил, где важной составляющей был и малый город. Дед А.С.Грибоедова Федор Алексеевич, получив в наследство натуральное хозяйство, к середине XVIII века значительно расширил владения, деревянные здания сносились и на их месте появился тот самый «дворец с четырьмя флигелями, оградой, регулярным парком с глухими и открытыми аллеями, а в нем — цветники с

каменными статуями, два копаных пруда с саженой рыбой карасями и линиями...»

При Волковых, с 1891 года, Хмелита превращается в образцовое и рентабельное капиталистическое хозяйство, один из центров аграрных инноваций. Трудились, в основном, наемные работники. Используя на господских полях завезенные с Запада орудия, крестьяне постепенно привыкали к ним, поступаясь извечным консерватизмом. Главе семейства В.Н. Волкову, после кропотливых уговоров, к 1911 году удалось вовлечь крестьян в кооператив, который стал приобретать современные веялки, молотилки, другую технику. Пионеров поддерживали однодворцы, потом и жители окрестных деревень. Все чаще крестьяне, глядя на помещичье хозяйство, стали пользоваться элитными семенами и удобрениями.

Основной доход приносил традиционный лен, в оранжерее выращивали экзотические фрукты, а сад на 11 десятинах давал уйму разнообразных плодов и ягод — Смоленская область издавна считается садом России, причем не только фруктовым, но, из-за великого разнообразия деревьев и растений, и ботаническим. Лет 15 понадобилось, чтобы все рогатое стадо превратить в элитное — к 1914 году большую часть животных записали в «Кровяную книгу». А симменталы, первые не только на Смоленщине, но и в России, появились в усадьбе Дугино, у графа Панина. Старый сыровар швейцарец Шильдт арендовал у Волковых сыроварню, скупал молоко в округе, а взамен продавал крестьянам сыр за полцены, что было выгодно всем. Потихоньку крестьяне увеличивали коровье поголовье, стали интересоваться качеством молока и сыра. В рабочей конюшне держали не менее 40 лошадей, постоянно улучшали породу как усадебных, так и крестьянских жеребят. Кроме обязательных кузницы, столярной мастерской, автомобильного гаража, вместительного ледника, в Хмелите действовали маслобойный и кирпичный заводы, работали две мельницы, процветала кожевенная артель, на лесопильном заводе изготавливались строительные материалы, перерабатывались отходы. Любопытный штрих: в начале 1917 года В.П. Волкова продала в Англию большую партию лесоматериалов. Управляющий посоветовал оставить выручку в английском банке: на всякий случай, время-то смутное. На что Варвара Петровна ответила: «Какая же я русская, коли стану хранить капиталы за границей». Через несколько лет семья оказалась в эмиграции, и деньги бы очень сгодились...

Свои продукты продавали и крестьяне, поскольку уже в XVIII веке приобретали землю в собственность, арендовали мельницы, строили небольшие предприятия, а кто-то нанимался на работу в Москве и Петербурге, платя барину оброк. Кстати, мизерный. (Зато сегодня около 20 миллионов селян пускаются в отхожие промыслы, но от их заработков казна не имеет ни копейки: все в «тени».) Расцветали крестьянские промыслы: гончарные, пеньковые изделия, льняные и шерстяные ткани. Продукцию сбывали на торжках и ярмарках в окрестных селах, которые были промежуточным звеном на пути к торжищам в уездах и таким крупным межрегиональным ярмаркам, как Курская и Нижегородская. Экономгеограф П.М. Шульгин рассказывал мне, что в начале 90-х годов, изучая статистическую перепись Боровска Калужской губернии, обнаружил: в конце XVIII века одного хлеба в лавках там значилось 12 наименований! Боровск имел свою ярмарку, которая выходила на Калужскую, а уж она сотрудничала с московской. Малый город России не был нахлебником, а в

связке с усадьбами и губернскими центрами являл здоровый хозяйственный организм, действующий в режиме простого, а потом и расширенного воспроизводства.

Советское государство оставило таким городкам-райцентрам единственную функцию: политического надзора и сыска. А в начале нынешнего века проявилось такое явление: в России растет доля сельского населения. Первое, что приходит в голову несведущему человеку: горожане ринулись к истокам. Отнюдь. Просто экономически хиреют районные городки и поселки городского типа, откуда в областные центры переселяется народ, а обезлюдившие городки переводят в категорию сел...

Вельможи-аграрии

Одновременно с Хмелитой набирало силы имение Авчурино в 12 верстах от Калуги, которым владел Дмитрий Маркович Полторацкий, образованнейший вельможа, друживший с Г.Р. Державиным, Н.М. Карамзиным, А.С. Пушкиным, архитектором В.Н. Стасовым. Объехав Европу, он изучил ведение сельского хозяйства, купил Авчурино и начал большое строительство под руководством итальянского архитектора и при участии Стасова. Всю пахотную землю перепланировал, выровнял, осушил болота, трехполье с неперменным паром заменил восьмипольем, а потом плодопеременным четырехпольем. Соху Полторацкий заменил усовершенствованным плугом собственной конструкции, который позднее назвали его именем, наладил производство. Землю рыхлили бородами с железными зубьями, удобряли не только навозом, но и мергелем, залежи которого имелись близ Авчурина. Здесь в 1793 году появилась первая в России молотильная машина из Шотландии, их производство в Авчурине также наладили, и даже отправляли продукцию в разные концы империи. Полторацкий первым в России использовал вольнонаемный труд, платя пахарям подесятинно. Растениеводство дополнялось элитным скотоводством и разведением лошадей арабских и английских пород. Хозяйство столь ярко демонстрировало преимущества инноваций, что... стало предметом ядовитых статей и пародий, а И.А. Крылова вдохновило на басню «Огородник и философ». В 1816 году имение посетил Александр I, впечатлился, даже попробовал пахать «плугом Полторацкого». К сожалению, у единственного сына Полторацкого были другие интересы, и он продал имение.

Наиболее известна инновациями смоленская усадьба Батищево — имение Александра Николаевича Энгельгардта. Специалист по литью оружейного металла, крупный химик-органик, один из первых в России исследователей агрохимических руд, декан Земледельческого института, после двухмесячной отсидки в Петропавловке за увлечение политикой А.Н. Энгельгардт уехал в свое запущенное смоленское имение. Это здесь он написал 12 писем «Из деревни», которые запоем читала вся Россия. Не имея агрономического образования, он, тем не менее, развернулся вовсю: начал возделывать лен на пустошах и облогах, вместо трехполки ввел 15-польный оборот, вносил навоз и минудобрения, удвоив урожаи ржи и овса. Вопреки неудачным попыткам применения фосфатных и калийных удобрений под руководством Д.И. Менделеева, который решил, что «наши почвы... грубы, их надо довести до спелости», хорошо

обрабатывая, известкуя, внося навоз, а уж потом использовать минудобрения, А.Н. Энгельгардт доказал обратное. С его подачи в конце 80-х годов XIX века действовало несколько заводов фосфоритной муки, которые в 1894 году выдали 800 тысяч пудов удобрений. Работы Энгельгардта вызвали более глубокие исследования Д.Н. Прянишникова и его школы. Вольное экономическое общество за «введение в России фосфорита» избрало ученого-экспериментатора своим членом и присвоило золотую медаль.

Особая тема — собственно «Письма из деревни», которые одновременно печатали «Отечественные записки» и «Вестник Европы» с 1872 по 1887 годы. М.Е. Салтыков-Щедрин, соредaktor «Отечественных записок», писал автору: «Статьи ваши все до единой драгоценны...» Их с карандашом в руках читал К. Маркс, под их влиянием стали создаваться интеллигентские колонии и артели вокруг Батищева, на Северном Кавказе и в других местах. Сам Энгельгардт считал, что будущее принадлежит не таким хозяйствам, как его, он мечтал об «интеллигентной деревне» — артели. Правда, к 1894 году, когда распался последний из трех подобных поселков, он увидел несостоятельность народнических мечтаний. Тогда он признал, что в каждом мужике сидит кулак, и с головой ушел в опыты с искусственными удобрениями.

Батищево, по сути, стало первой в России опытной станцией. После смерти ученого его хозяйство приобрел Департамент земледелия и организовал там опытную сельскохозяйственную станцию, которая продолжала опыты ученого по его планам. Я был в Батищево в начале 90-х: от процветающего хозяйства остались рожки да ножки.

По соседству с Батищевым, в имении Мачулы Ельнинского уезда, вел свое хозяйство дядя Александра Николаевича — Александр Платонович Энгельгардт, прославившийся еще в качестве многолетнего головы Смоленска, Казанского и Архангельского губернатора. И здесь, по совету ученого племянника, использовались минудобрения, хозяин получал награды за отменные урожаи, качество льна и ржи, а также за симментальских метисов. В Мачулах был водопровод и электричество от динамомашин. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, Мачулы, где уже хозяйствовал сын А.П. Энгельгардта — Александр Александрович, было признано образцовым. Судьбы хозяйства и его хозяина трагичны. В 1918 году Мачулы были национализированы и превращены в совхоз. В 1938 году А.А. Энгельгардта расстреляли. А в начале нынешнего века экс-губернатор Смоленской области, из местных чекистов, не чинясь, заявил в интервью местной газете, что не видит перспектив для здешнего сельского хозяйства. Он, дескать, лучше бы засадил всю территорию лесами...

Но в прежней России не все генералы походили на смоленского фээсбэшника. Исследователи подчеркивают, что уже в XVIII веке большая часть дворян даже в сельской усадьбе ощущала себя не только частными людьми. Их корпоративная этика, представления о долге и чести определялись служением государству. И выливалось это вовсе не в помпезные сооружения.

Не буду касаться армейских реформ А.А. Аракчеева на посту военного министра, в результате чего русская армия, особенно артиллерия, были подготовлены к войне с Наполеоном. Мне интересна его деятельность в качестве владельца новгородских усадеб Грузино, Оскуй и еще трех десятков деревень, которые он рассматривал единым социальным, хозяйственным и архитектурно-

строительным целым, с грандиозным «египетским» размахом реализуя задуманное. Сносились целые деревни, на их месте, а то и в чистом поле строились селения «по вкусу и правилам архитектуры», которые Аракчеев предназначал для крестьян. Образцами служили казарменные городки архитектора Ф.И. Демерцова в Петербурге и планы городов конца XVIII века, основанные на началах регулярности. В итоге поселения и дома в вотчине Аракчеева мало походили на обычные русские деревни и избы. Там были даже дома для нескольких семей.

Но и это не все — поселения связала хорошо организованная сеть шоссе, вдоль которых росли березовые и липовые аллеи, а через реки и овраги перебросили мосты. Под нужды строительства, которое шло более трех десятилетий, построили кирпичные заводы и лесопилки, а для прокорма народа — множество мельниц. Чем не системный подход — хотя в те времена слов таких не знали...

У Аракчеева была и далеко идущая социальная программа. Состоятельным невестам и женихам он приказывал искать себе пару среди неимущих, и наоборот. Владельцев относительно больших наделов обязывал иметь соответствующее число коров, чтобы земля не гуляла. Для крестьянок были разработаны правила ухода за младенцами и режим их кормления. Генерал искоренял пьянство, закрывая кабаки, и требовал от взрослых знать молитвы, что регулярно проверял, особенно при вступлении в брак; а наряду с жильем он массово строил церкви и часовни.

Посетив Грузино летом 1810 года, Александр I восхитился и удостоил Аракчеева благодарственного рескрипта. Увиденное подсказало императору идею насаждать похожие поселения по России. Однако и аракчеевский проект подвергся нападкам современников — критики видели в поселениях военные коммуны, где человек переставал принадлежать себе, как в фаланстерах Фурье.

Любопытно, что после 1917 года проект Аракчеева восторжествовал, пусть без шоссе и слова Божия, однако аракчеевщину при этом поминали недобрым словом.

Некрополь

Уже после 1917 года, возвращаясь к анализу первой русской революции, В.И. Ленин сожалел, что тогда крестьяне уничтожили «только пятнадцатую часть того, что они *должны* были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального русского землевладения». Но после октябрьского переворота Советская власть руками бедноты при поддержке зарождающейся Красной армии с лихвой наверстала упущенное...

Декрет о земле, принятый на II Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 года, предписывал конфисковать все помещичьи и монастырские земли «со всем живым и мертвым инвентарем, со всеми постройками и принадлежностями». И — началось. Крестьяне, полагая, будто усадьбы принадлежат им, нередко их просто сжигали, а содержимое либо растаскивали по домам, либо, если не проморгали местные советы, по закону отвечающие за сохранность ценностей, продавали их с молотка. В Хмелитском музее единственная подлинная вещь А.С. Грибоедова — его очки. Видно, никому из крестьян не понадобились...

Местную вольницу должны были укрощать эмиссары Национального музейного фонда, которых специально направляли в усадьбы описывать культурные ценности и вывозить на хранение. Приоритеты: в первую очередь обращать внимание на художественные ценности, книги, мебель, исторические раритеты, ну и уж во вторую очередь — на архитектуру. Когда исследователи в 90-х годах подняли архивы, они обнаружили, что усадьбы средне- и мелкопоместного дворянства — они составляли большинство — получили однозначную оценку: ничего интересного. Исследователь М.А. Полякова приводит по этому поводу высказывание крупного чиновника из центрального музейного отдела, имевшего непосредственное отношение к атрибуции художественных ценностей: «Национализация, — писал этот "знаток", — среди безбожной массы хлама не дала нашим музеям ни одной первоклассной вещи». А этот «хлам» и составлял тот средний пласт усадебной культуры, был основой того культурного фонда страны, который не смогли ни оценить по достоинству, ни уберечь. Из этого «хлама» В.Е. Кулаков и выловил очки Грибоедова — гордость музейной экспозиции. Между прочим, в том же Хмелитском дворце картин хранилось больше, чем в теперешней Смоленской областной галерее, а Авчурино, имение Д.М. Полторацкого, уже в начале XIX века прославилось знаменитой хлебниковской библиотекой, лучшей из частных в России, которой пользовался Н.М. Карамзин, работая над «Историей государства Российского».

К концу 20-х годов Музейный отдел как центральное учреждение, еще пытавшийся спасти какие-то усадебные ценности, перестал существовать. По России итог таков. Из 540 усадеб, признанных ценными в первые годы после революции, в 1926 году оставлена на учете 221 усадьба (53 — по Московской области). Некоторые здания спасло то, что их заняли разные учреждения. Но и это не всегда гарантировало сохранность исторически сложившегося облика усадьбы. Хмелитский дворец, пережив войну, сторел уже в 50-е годы, хотя пристроенный флигель занимала дирекция местного совхоза. А, например, в знаменитые Кузьминки в 1918 году въехал Институт экспериментальной ветеринарии — и сразу начал перестройку. Музейный отдел пытался остановить кощунство, но руководство института на специальном техническом совещании решило: «для устойчивости народного хозяйства, для утилитарно-экономических задач необходимо пренебречь мелкими требованиями красоты и отрешиться от взгляда на красоту как на нечто самодовлеющее». Это просится быть высеченным в мраморе!

А вот свежайший пример. Кто знал, что в Южной Осетии, по описи еще советских времен, насчитывалось 600 древних памятников — ведь Цхинвали основан в 1262 году? Правда, памятники эти фигурировали почти анонимно, поскольку вся документация до сих пор хранится в Тбилиси. И вот в ходе недавней войны один снаряд угодил в византийскую церковь Святого Георгия, датируемую IX веком, а другой снес голову памятника Константину Хетагурову, основателю осетинской письменности и литературы. Немало древних памятников пострадало или исчезло в Цхинвали — специалисты много лет добивались превращения восточной части города в заповедник. Теперь там, скорее всего, руины.

Словом, отрешились... «В десять лет, — писал после октябрьского переворота А.Н. Греч, — создан грандиозный некрополь. В нем — культура двух столетий. Здесь погребены памятники искусства и быта, мысли и образы, вдохновлявшие русскую поэзию, литературу, общественную мысль».

Бодается гламур с культурой

Когда только еще готовился закон о приватизации памятников истории и культуры, этого самого некрополя, гремели дискуссии. Что получится? — тут вопросов больше, чем ответов. Как поведет себя государство: останется в роли снисходительного наблюдателя или станет заинтересованным участником? Кому достанутся памятники и какие цели поставят перед собой новоявленные собственники? Остались ли в стране архитекторы, да и школы, не зараженные грибком пошлой гламурности и способные, как в Хмелите, бережно отреставрировать руины, а кое-где и воссоздать замыслы талантливых зодчих прошлых веков?

Как-то телеканал «Культура» показал, *что* сляпали не последние в столице архитекторы в подмосковном Царицыне на основе незавершенного когда-то роскошного дворцового комплекса. Изуродован реставраторами парадный двор Пашкова дома, вероятно, одного из самых совершенных архитектурных произведений Москвы, а также Военторг, Гостиный двор... Когда, по меткому выражению коллеги, архитекторы работают карандашами московского градоначальника — невероятное становится реальностью.

Робкую надежду на лучшее внушает то, что энтузиасты были и в самые мрачные времена. В начале 90-х в составе РАН был создан Институт природного и культурного наследия, подготовивший законченную системную концепцию историко-культурной территории — ИКТ. Цель ее в том, чтобы восстанавливать не только дворец-усадьбу, но и всю взаимосвязанную структуру хозяйственных комплексов, используя экономико-культурный потенциал территории. Ведь уникальность бывших поместий — в органичном слиянии историко-культурных и природных ландшафтов. Разнообразие русского пейзажа в Центральной России, по данным исследователя Н.И. Завьяловой, укладывается всего-то примерно в 20 типов, а потому и обладает особой ценностью. Специалисты утверждают: утрата пейзажа адекватна утере черт национального характера, языка. При техногенном изменении ландшафтов исподволь, незаметно меняется и человек. Характер открытого пространства России веками нес черты спокойствия, величия, устойчивости, давал ощущение гармонии. Сами ландшафты, отраженные в русском классическом искусстве, свидетели исторических событий — заслуживают статуса национальных памятников. Но даже если этот статус есть... Статус государственного заповедника Хмелите Кулаков выбил на рубеже веков, однако до сих пор здесь рубят лес машинами.

В 2002 году наконец-то был принят соответствующий федеральный закон об охране памятников истории и культуры. Но Россия — есть Россия! Позже стали править закон о градостроительной деятельности, и тут же обнажилась масса нестыковок двух актов. Специалисты обеспокоились тем, что, к примеру, нелепости с утверждением зон охраны памятников могут лишить нас огромной части культурного наследия. Осталась масса несуразностей в разграничении полномочий и функций в части управления имуществом между государственными и муниципальными властями, и это опять прямо бьет по судьбе объектов культурного наследия. В результате множества накладок, прорех и нестыковок законов ни в одном из субъектов Федерации переданные полномочия в полном объеме не используются.

Мало того, туманно прописаны соотношения понятий «зоны охраны» и «буферные зоны» объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия. А это уже затрагивает обязательства Российской Федерации, вытекающие из международных конвенций и договоров.

Несовершенство правовой базы усугубляется тем, что хваленая «вертикаль власти», словно сороконожка, запуталась в своих бюрократических ответвлениях, где чиновная повседневность приправлена расхлябанностью и коррупцией. К примеру, органы, ведущие госрегистрацию прав на недвижимые объекты культурного наследия, забывают о необходимости устанавливать обременения, не всегда требуют от пользователя заключать охранные обязательства, на что, кстати сказать, федеральная казна просто не дает денег. А коли так — словно грибы после дождя растут несанкционированные пристройки, искажающие исторические облики памятников.

Самые ожесточенные схватки идут на местах, где против историков и культурологов, нередко единым фронтом выступают строители и купленные ими чиновники. Ведь на кону — гигантские деньги на агрессивную коттеджную застройку. Массовое индивидуальное строительство, например, безвозвратно разорвало исторические связи Абрамцева с Мурановым и Ахтыркой, Ясной Поляны — с Кочаковским некрополем, дома-музея П.И. Чайковского — с Демьяновом. Законы России, по словам директора Института природного и культурного наследия Ю.А. Веденина, игнорируют понятие культурного ландшафта как результат сотрудничества человека и природы. Рассматриваются только архитектурные сооружения, а усадебные парки в лучшем случае относят к охранной зоне.

На самом деле проблема гораздо сложнее. Усадебные ландшафты не должны быть мертвыми — это ведь живая природа. Значит, на полях и лугах должны вестись сельхозработы. Правда, при главном условии: они просто обязаны восстанавливать или поддерживать ландшафты в состоянии расцвета. Ю.А. Веденин в связи с этим вспоминает так называемых грабарей, которые приводили в порядок луга, пастбища, лесные опушки, убивая при этом двух зайцев: вели санитарные рубки и блюли при этом эстетические и архитектурно-художественные критерии.

В Голландии, кстати, фермерам платят просто за то, что землю они держат в порядке и коровы у них гуляют по пастбищам, радуя проезжающих, а не работают, как в США, живыми станками по производству молока, денно и ночью пребывая в закрытых мегафермах.

Наши чиновники от мала до велика зациклены на эффективности разных программ, которые, к слову сказать, сплошь убыточны. Однако сельский труд — это не только, а в развитых странах уже и не столько работа, сколько образ жизни. Яркое тому свидетельство — «фермерство неполного времени» в США, явление, ставшее открытием даже для американских экономистов. Оказывается, от общего числа семейных фермеров (а они составляли в 90-е годы около 90 процентов аграрных производителей страны, да и сейчас не меньше) только 8 процентов имели фермерство в качестве единственного источника дохода. «На фермерство неполного времени долго смотрели как на некое переходное состояние, — пишет старейший американский аграрник Д. Паарлберг. — Пора, наконец, понять, что мы имеем дело с устойчивым, жизнеспособным и постоянным феноменом».

Выяснилось, что среди таких фермеров, покрывающих убытки сельского труда из других источников, полным-полно чудаков, живущих от своих «ранчо» за сотни километров. Они не расстаются с фермами, летают даже на своих самолетах пахать и сеять только потому, что крестьянский труд отвлекает от отупляющей работы в городе.

Словом, в американском фермерстве давно проявился Марксов закон о перемене труда. И прежде всего — в том, что дал основание трактовать семейное фермерство не как бизнес, а как образ жизни, не столько экономический, сколько социальный институт. В России этот закон проявит себя примерно так же, а с учетом нашей специфики — может, и сильнее, чем в США, поскольку подавляющее большинство россиян в городах пребывает если не первое, то наверняка лишь второе поколение, и тяга к земле у них огромная.

Возможности

Есть ли при этом возможности сохранить наши уникальные памятники архитектуры?

В Англии, например, более шестидесяти лет назад был составлен национальный план спасения запущенных усадеб, владельцы которых были не в силах их содержать. Потребовались десятилетия, но сегодня когда-то обреченные усадьбы способны вкладывать в свое развитие необходимые деньги. Туристов не только знакомят с имением, но и дают возможность пожить в красивых комнатах и погрузиться в почти исчезнувший образ жизни. Программный или культурный туризм в мире — один из крупнейших бизнесов. Везде есть города, деревни и люди, процветающие потому, что они поддерживают и сохраняют прошлое. В Испании и Португалии государство позаботилось о том, чтобы запущенные исторические здания превратились в туристические предприятия, которые теперь приносят прибыль. От наших государственных мужей пока слышны только речи. Даже бывший директор «Ясной Поляны» Владимир Толстой, а ныне — советник президента страны по культуре, сетовал: «Отношение государства к музею хорошее, но не более того... Мы совершенно лишены необходимой инфраструктуры... нет зала на 40-50 человек. Все мои попытки превратить Ясную Поляну в настоящий мировой культурный центр как-то не находят поддержки».

Ученые в рамках ИКТ предлагают насыщать даже обычные туристические программы демонстрацией ремесел, которые издревле были традиционны для этих мест, но сегодня практически заброшены. Екатерине II, посетившей Торжок, местные мастерицы преподнесли туфли, расшитые золотой нитью. Промысел этот, говорят, жив до сих пор. В подмосковном Середнякове, где пересеклись две знаменитые фамилии — Лермонтовых и Столыпиных — издавна ладили мебель красного дерева, и сегодня сохранились мастера, которые берут заказы. Только на севере Смоленщины, в Демидове, знают секреты выращивания отменных калиброванных огурчиков. А вологодские кружева? Профессор Веденин, вернувшись из поездки по этой губернии, делился со мной впечатлениями: «Надо, — говорил он, — чтобы за спиной кружевницы стоял агент и буквально выхватывал из ее рук готовое изделие, предлагая взамен сырье, инструменты и, конечно, солидное вознаграждение. Тогда и соседи

увидят, что занятие это и почетное, и выгодное». Да и бизнес, добавлю, охотнее вложит деньги в конкретных мастеров, нежели в безответственные чиновные структуры.

Возможностям на самом деле несть числа. Почему при усадьбах не возродить обучение местной молодежи традиционным профессиям и умениям, как это делали князь Львов и княгиня Тенишева? В приложение к этому усадьба может обзавестись веером курсов, в том числе утилитарных. А туристы попутно по местной рецептуре станут замешивать глину и выкручивать на гончарном круге кувшин либо вазу, выковывать в кузне подкову на счастье, ткать на станке кусок ткани... Да мало ли что еще? Если позволяют возможности исторической территории — традиции, кадры, сырье — на основе таких туристических забав могут возникнуть крупные предприятия. В этом случае Ю.А. Веденин советует усадьбам обзаводиться собственными брендами, как уже сделали Ясная Поляна и Куликово поле. Они используют исторические топонимы в названиях пива, конфет, безалкогольных напитков. Но это требует предварительного лицензирования исторического названия — тогда бренд становится экономическим ресурсом и распространяется на такие услуги, как предоставление рекламных съемок, кино- и фоторабот. Все это интересно, реально и попутно предлагает огромные возможности для возникновения и развития малого бизнеса. Однако он в России — на положении изгоя, поскольку высшая власть откровенно отдает предпочтение не частной, а государственной собственности. В итоге, если в странах, которые мы называем цивилизованными, доля малого и среднего бизнеса в валовом продукте переваливает за 60 процентов, то у нас она уж два десятка лет болтается вокруг 20 процентов, и даже намеков нет на то, что ситуация изменится.

Но прежде чем развивать культурный туризм, надо поднять из руин российский некрополь. Перед Россией стоит задача вывернуть на ту эволюционную орбиту, с которой ее снес переворот 1917 года. Беда в том, что решить эту задачу с помощью ряженых, ярмарочными методами, не удастся. Кем они окажутся, владельцы новых русских усадеб, легионы нуворишей с партийно-комсомольскими корнями и их отпрысков, из которых неизвестно что получится?

Настоящая элита — не редиска, которая каждой весной бодро выстреливает на грядках. А ту, что мы сегодня имеем, лет двести, словно пресловутый английский газон, нужно подстригать, образовывать, облагораживать и прививать культуру человеческого общежития... Какими силами прикажете восстанавливать погубленный микрокосм?

Некоторый опыт накоплен тверяками, применившими системный подход. Разработав несколько лет назад три усадебно-ландшафтных блока: «Львовские усадьбы», «Вышневолоцкая гидротехническая система» и «Кашин — город старинный» — инновационное предприятие «Фора-центр» их застраховало, чтобы финансово защитить объекты национального культурного наследия. Была проведена инвентаризация всех дворянских усадеб области. На ее основе была подготовлена уникальная на сегодня областная целевая программа сохранения тверской дворянской усадьбы, в основе которой лежат принципы ИКТ. В полном областном реестре (пожалуй, единственном в России) — 170 сельских усадеб, половина из которых в аварийном состоянии. Проект пилотный, его запустили, начав передавать в доверительное управление историко-архитектур-

ные памятники. Таким образом, удалось сохранить и отреставрировать городские усадьбы в Калязине, Торжке, Твери. Если целевая программа тверяков будет успешной — на ее основе планируется создание аналогичной федеральной программы.

Однако проблемы остаются. О квалификации отечественных архитекторов я уже говорил. Новых Барановских и Кулаковых что-то не видно. Неизвестно также, какие прихоти станут обуревать новоявленных владельцев объектов историко-культурного наследия. Кстати, тверяки и здесь создали прецедент: по решению суда изъяли памятник, который пострадал в ходе реставрации. А в учебных заведениях области начали обучать профильных специалистов.

Не трогая всей неохватной темы, скажу о возможностях, которыми не стоит пренебрегать, равно как и преувеличивать их. Еще в 90-х годах в российском фонде культуры лежали групповые заявки студентов и преподавателей разных стран, желающих не просто слушать соловьев, знакомясь с русской природой, но и принять участие в экологических программах. Немцы, помню, готовы были восстанавливать любой монастырь, а попутно писать картинки на пленэре. Меня еще поразило в тех заявках общее место: нас, дескать, не смущает временный дискомфорт, готовы ехать со своими палатками и спальниками, да еще и платить! И это — не пустой звук. Будучи недавно в Смоленске, я узнал, что группа американских мормонов, некоторые с детьми, несколько лет капитально ремонтируют местный интернат для инвалидов детства, специально зарабатывая в США на эти поездки.

Нашим «крутым ребятам» понять это трудно, но — вот факт. Думаю, что, если бы официальная пропаганда не энергетическую мощь России восхваляла, которая, мол, весь мир поставит на колени, а просто бы рассказывала, как мы собираемся восстанавливать культурные и исторические памятники в провинции, — от иностранных волонтеров отбоя бы не было. Не исключаю появления среди них зарубежных архитекторов и реставраторов.

Откуда такая уверенность? Опять сошлюсь и на Присциллу Рузвельт, и на отечественных исследователей, которые утверждают: дворянские усадьбы давно стали мировым достоянием потому, что веками шло переплетение и взаимопроникновение культур через судьбы и творчество художников, архитекторов, людей, причастных к искусству разных стран.

Классицизм в России породил удивительное единение традиций этого стиля, идущих от античной Греции и Рима, а европейская средневековая техника и технологии именно в России получили новые импульсы. Потому-то уничтожение сокровищ этой культуры, уклада дворянских гнезд и архивов стало трагедией не только для русской, но и мировой цивилизации. Вот только до «наших» эта истина пока не дошла.

Что с нами?

Поэт-долгожитель П.А. Вяземский предупреждал «новых людей» своего времени: «Отнимите эти наследственные силы, разорвите цепь последствий и преданий, и время, или успехи его, то есть время в духовном значении своем закоснеет и придет в совершеннейший застой. Только у необразованных, диких

народов нет прошедшего. Для них век мой, день мой. Ниспровергая, ломая все прошедшее на своз, как отжившее и ненужное, вы сами, не догадываясь о том, обращаетесь к первобытной дикости... Горе народу, не почитающему старины своей!»

Философ В.В. Соловьев называл культуру «последним пределом, который природа выдвигает обществу, когда политики подводят его к последней черте».

Эту черту Россия безалаберно перемахнула в 1917 году и оказалась в пространстве искривленном, весьма странном, без традиционной культурной составляющей, а значит — и без духовности, того самого измерения, без которого человек, общество и страна обречены влачить ущербное существование. Например, в последние годы психологи не могут объяснить, почему Россия лидирует в мире по страшному показателю: утроился суицид молодых, причем многие погибшие — из внешне благополучных семей...

В наши дни выяснилось, что советские люди были вовсе не самыми читающими в мире, но зато — самыми рьяными собирателями личных библиотек, причем собрания сочинений подбирались нередко по цвету корешков. Сегодня о Льве Толстом вспоминают к событию, с ним связанному, а книги писателя пользуются популярностью гораздо меньшей, нежели дешевые детективы. Праправнук писателя Владимир Толстой говорит: «Я только в юбилейном для Льва Толстого году был в Японии уже четыре раза, приглашают еще и еще... В одном из университетов на лекцию пришли пять тысяч студентов... В книжных магазинах выстраиваются длинные очереди, чтобы я подписал книги Толстого... У японцев в голове не укладывается, как население может не ценить собственного гения...» Не потому ли мы оказались столь беззащитными перед тотальным нашествием на эстраде и ТВ попсы, сэра пистолета и мистера «юмор ниже пояса»? История показывает, что в дикость народы скатываются быстрее, чем окультуриваются. Яркий пример — Китай. Ученые до сих пор не могут прийти к общему мнению, какие причины ввергли в полную деградацию страну, создавшую великую культуру и одарившую человечество выдающимися изобретениями.

Что происходит с нами? Еще Петр I прорубил окно в Европу. Но страна до сих пор так и болтается на подоконнике, не может нашарить свое место в мире. Кто мы? Европейцы? Азиаты? А может, евразийцы? Третий Рим? Не потому ли происходят с нами ужасные вещи, что Россия в революционном угаре бездумно снесла на своз истории свои традиции и многовековую культуру?